

А я есть у тебя и безумно люблю,
Я радость небес вам подарю!
Никому ты не верь — есть отец у тебя,
Я рядом с тобой, просто ты не видишь меня...
Группа «Кабриолет». Ангел-хранитель

Сначала я был один. Потом нас стало двое. Потом трое.
Потом я ушёл...

Я сидел в кресле в фойе офисного здания и тайком, исподтишка, наблюдал за ней, моля Бога только об одном — чтобы она не засекала, что я за ней подглядываю, и не сделала правильного вывода в отношении меня!.. Я смотрел, как она улыбается, как смеётся над тем, что ей рассказывают две её подруги, как она изящным движением руки поправляет шикарные золотистые волосы, когда они набираются смелости и спадают на её красивое лицо. На её невероятно красивое лицо! За ней ухлёстывали все офисные мужики. Ну а как же — заместитель самого!.. И не просто замести-тель, а единственная любимая дочь! Если вдруг повезёт и ты ей понравишься, значит, считай, что безбедная жизнь тебе обеспечена.

Меня, к слову, эта меркантильная сторона жизни не особо-то и волновала. У меня никогда ничего своего не было! Сначала — казённая койка в детском доме, а сейчас — однокомнатная квартирка от щедрот родного государства. Но я не в обиде, и мне, можно сказать, ещё повезло, что квартира оказалась в жилом состоянии. Машина тоже есть, скромненькая, конечно, но всё же машина.

Только один плюс у меня и был. Я не был дураком! Окончил с золотой медалью школу, потом с отличием — университет. И вот уже три года как работаю в этом благословенном месте, на хорошо оплачиваемой должности. И все эти три года страдаю от неразделённой любви! Неразделённой — это, конечно, сильно сказано, делить мне её как бы и не с кем было! Моя любовь даже и не подозревала о том, что она любима!

Подруги у неё — курицы всё-таки! Никак на месте стоять не могут, топчутся и топчутся!.. Загородили!.. Тяжело вздохнув, я поднялся и, стараясь не смотреть в её сторону, направился к лифту — обед закончился. Проходя мимо девушек, скопил на них взгляд и успел заметить, как она «мазнула» в мою сторону глазами.

Господи! Как же она мне нравится!

— Ну что, видал, какая она сегодня? — догнав, ткнул меня локтем в бочину один из моих коллег по имени Гена. — Видал, да? Обожаю такие платья, всё выделяют!.. Блеск!..

— Кого я должен был увидеть? — равнодушно процедил я и демонстративно начал крутить головой по сторонам.

— Да вон, её же!.. — прошипел Гена и мотнул головой в сторону девушек.

— А-а-а! Вон ты о ком!.. — деланно удивился я. — Так она всегда такая. Неужели ты не замечал?

— Сегодня она вообще супер!.. — шёпотом простонал Гена. — Эх!.. Я бы с ней!.. — и он от переизбытка чувств даже облизнулся.

— Да вы бы все с ней! — усмехнулся я и отстранился от наклонившегося ко мне парня. — Вот только не для вас она создана!

— Можно подумать, что для тебя! — обиделся Гена. — Прямо лежит она и ждёт, когда это ты соизволишь на неё забраться!

— И не для меня, — легко согласился я. — Не ждёт она меня, поэтому, друг мой, лёжа меня ждут только земные женщины, на небожителей я не западаю.

Если говорить откровенно, я покривил душой. Да что там покривил! Конкретно и по-хамски врал! Почти каждый день представлял себе, как бы я с ней!.. Как бы мы вместе!.. Как!.. Чего только мы не вытворили в моих постельных мечтах, причём это была не обязательно постель!

— Ладно, озабоченный, пошли! — сказал я и, подтолкнув коллегу в спину, направился к лифту. И опять заметил, как она на меня посмотрела.

Это было странно, так как моя персона явно находилась вне сферы её интересов — масштаб жизни в этом мире был у нас с ней разный. А может, она меня просто узнала? И я довольно улыбнулся, вспомнив, как месяца три назад столкнулся с ней в коридоре.

По служебной надобности я направлялся в соседний отдел, когда она стремительно вышла из приёмной и с ходу врезалась в меня, развалив во все стороны бумаги, выскользнувшие из папки, которую она держала в руке. А дальше — сплошная классика: мы с ней одновременно наклонились за бумагами и врезались головами.

— Простите, я не ожидал, что вы такая стремительная!.. — пробормотал я, выпрямляясь и подавая девушке несколько листочков.

— Да Бог с вами! — нервно засмеялась она, потирая ушибленное место на лбу. — Это я виновата!.. И всё потому, что он временами меня просто бесит!.. — она кивком головы указала в сторону двери приёмной, а потом, взглянув мне в глаза, стремительно отвернулась и быстро пошла по коридору, на ходу перебирая бумаги.

Я судорожно втянул в себя воздух, так как вдруг понял, что всё это время не дышал. Пришла сторонняя мысль: «Вот если бы она обернулась!» И, словно выполняя мою волю,

девушка обернулась и помахала ладошкой, как будто прощалась или здоровалась со старым знакомым. Я резко обернулся, но в коридоре за моей спиной никого не было.

Рабочий день уже заканчивался, когда ко мне подошла незнакомая девушка и, мило улыбнувшись, подала красочный конверт.

— Вас приглашают на день рождения, — проворковала она и, ещё раз одарив меня улыбкой, поцокала своими каблучками на выход.

Я открыл конверт, вытащил из него сложенный вдвое листок и чуть не упал, прочитав, к кому и куда меня приглашают.

Меня приглашала ОНА! Сомнений быть не могло! Подпись была её, я по работе частенько сталкивался с её замысловатым росчерком.

— Что там у тебя? — спросил Гена и бесцеремонно выхватил у меня из рук приглашение. — Ага! Приглашение, и идём мы...

Гена замолчал и тупо уставился в листок, шевеля губами, словно читал про себя. Потом, сглотнув, посмотрел на меня ошалелыми глазами и спросил:

— Это что?.. К ней, что ли?..

— Совершенно верно, — усмехнулся я, — идём к ней, вот только идём не МЫ, а я! Ты, Генчик, остаёшься! — и, выдернув из руки коллеги приглашение, направился следом за «почтальоном» на выход.

Домик у неё был шикарный! Два этажа, широкая центральная лестница, большая крытая веранда, которая, собственно, и являлась главным действующим местом. Вернее, дом принадлежал не ей, а папе, который великодушно предоставил его своей доченьке во временное пользование. Сам папа присутствовал на торжестве не больше часа, а потом разумно удалился, укатив куда-то со своей секретаршей. И началось веселье! Часа через два на этом празднике жизни не осталось ни одного здравомыслящего человека, кроме меня. Я, к счастью, алкоголь не уважал. Не нравился

он мне. Жизнь и так короткая, поэтому я предпочитал смотреть на неё и чувствовать её не затуманенным алкоголем разумом.

Как бы то ни было, но пора, как говорится, и честь знать. Мне и самому было непонятно, на что я рассчитывал, когда сюда ехал. Моя любовь, из-за которой я, собственно, здесь и находился, дежурно улыбнулась мне при встрече гостей и потом несколько раз по ходу самого праздника. В общем, скучно, тем более что и погода к гулянке совершенно не располагала.

Духота стояла страшная, гроза буквально плавала в плотном, тягучем воздухе. Я ещё раз нашёл её взглядом, мысленно попрощался и потопал на стоянку. Но не успел даже обойти дом, как где-то наверху громыхнуло и хляби небесные разверзлись. С облегчением вздохнув, я с трудом стянул с себя намокшую рубашку и чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда услышал за своей спиной насмешливый голос:

— А ты неплохо смотришься без рубашки!

Затаив дыхание, медленно обернулся и увидел свою любовь. Она шла ко мне и улыбалась, не обращая внимания на то, что насквозь промокла под дождевыми струями и её платье теперь уже мало что скрывает.

— Ты решил сбежать, не попрощавшись?

— Да, с детства люблю, знаете ли, под дождём голым бегать! Ну а там, — я кивнул в сторону веранды, с которой доносился грохот музыки и пьяные выкрики, — раздетым не походишь.

— Ты поторопился уйти. Поверь, через полчаса моим гостям уже будет всё равно, даже если ты будешь ходить без штанов!

— Нет уж! Увольте! — натянуто улыбнулся я. — Снимать штаны перед зрителями у меня желания нет!

— А перед одной зрительницей? — спросила она, лукаво улыбнувшись. — Перед одной сможешь?

Я стоял как дурачок и не знал что сказать. Что ей ответить? Сердце, которое сначала громыхало и долбило о грудную клетку, теперь потерялось где-то в животе, и я его

совершенно не чувствовал. Машинально положил руку на живот и услышал:

— Что, болит?..

— Нет, — пробормотал я, — сердце пытаюсь найти...

Она засмеялась и, взяв меня за руку, повела в глубь окружавшего дом сада.

— Ну вот, здесь тебя никто не увидит, — остановившись возле какой-то лавочки, сказала она, — так что можешь бегать без штанов... если ты, конечно, не передумал!

Я не передумал...

— А теперь помоги мне, — прошептала она и подняла руки вверх, — а то платье промокло, и я его без твоей помощи снимать долго буду.

А потом случилось то, о чём я раньше мог только мечтать! Моя любовь стала моей настоящей, а не воображаемой любовью!

Было всё!.. Она была со мной!.. Чего только мы не творили на этой мокрой от дождя лавочке!.. Мы были вместе! Как алкоголик, я упивался ставшей вдруг хмельной жизнью! Я заново родился и готов жить для неё.

На работе для меня ничего не изменилось, кроме разве что завистливых взглядов мужской части коллектива. К слову сказать, я ничего не имел против зависти к тому, что я обладаю красивой женщиной. Да пожалуйста! Сколько угодно! Это в некоторой степени даже тешило моё самолюбие. Меня, правда, поначалу беспокоила возможная реакция её папочки на то, что его единственная дочь сошлась с обычным клерком. Но, как оказалось, личная жизнь дочери его не особо-то и волновала, так как он ничем не проявил своего недовольства.

Через месяц разговоры поутихли, страсти улеглись, и жизнь вошла в привычное русло. Но мой спокойный рай продолжался недолго, до тех пор, пока однажды её папочка не вызвал меня к себе в кабинет.

Причина приглашения на «ковёр» была мне известна. Мы уже целый месяц обговаривали нашу свадьбу, и в это предстоящее занимательное действие были вовлечены и свидетельница, и её подруги, и подруги моей будущей

жены. В общем, об этом не говорил только ленивый, и это просто не могло не дойти до папиных ушей.

— Входите, вас ожидают! — пискнула секретарша и, заученно сверкнув идеальными зубками, открыла передо мной дверь.

Первый раз я разглядывал своего будущего тестя с близкого расстояния. Мужик, конечно, авантажный! С первого же взгляда на его лицо, осанку, манеру держаться можно было предположить, что он относится к породистому сословию. Не зря же говорят, что его родословная по бабкиной линии имеет в Туманном Альбионе собственный герб. Ну да Бог с ним, будем соответствовать, и я задрал нос повыше.

Сесть он мне не предложил, он вообще ничего не сказал, когда я вошёл. Не знаю, на что рассчитывал он, но я остановился, не сделав в кабинет ни одного шага. Мне стало интересно, как он будет со мной общаться. Кабинет у него по размерам будь здоров, и ему, чтобы разговаривать со мной, придётся орать! Он это понял быстро и, скривившись, будто откусил от лимона, протянул:

— Подойдите ближе, молодой человек, у меня к вам будет серьёзный разговор!

Уговаривать меня не надо было, я послушно подошёл к его столу и замер, уставившись ему в лицо. Он имел право и даже, наверное, обязан был поговорить со мной как с будущим зятем. Хотя, как я чувствовал, этот разговор для меня не нёс ничего хорошего.

— Мне совершенно безразлично, с кем спит моя дочь! Она девочка взрослая и сама уже вправе решать, кто станет её, так сказать, постельным партнёром, — между тем начал он, — но мне небезразлично, кто будет её мужем.

Он помолчал, покивал головой, словно соглашаясь со своими же словами, а потом, посмотрев мне в лицо, сказал:

— Вы мне симпатичны как друг моей дочери, но не более того! Как её муж, по вполне понятным причинам, вы меня не устраиваете. И своего согласия на ваш брак я не дам!

Я ожидал этого и поэтому ни капельки не удивился, услышав приговор.

— Мне не совсем понятно, — усмехнулся я, — почему как муж вашей дочери я должен устраивать вас? В конце концов, мне жить с ней, а не с вами! Мне кажется, в первую очередь я должен устраивать именно её!

Зря, конечно, я так сказал, вроде бы и не грубил, но прозвучало это несколько вызывающе. Надо было, наверное, найти какие-то другие слова. Однако, с другой стороны, даже если бы я умолял его на коленях, ничего бы не изменилось. Я не стал бы богаче, и из меня ни с какой стороны не вылезло бы дворянство, поэтому что сказал, то и сказал.

Ему это, естественно, не понравилось, он поджал губы, но сдержался и спокойно продолжил, как будто меня и не слышал:

— Как я уже сказал, вы не будете мужем моей дочери, в противном случае вы не только потеряете свою нынешнюю работу, вы не сможете найти приличной работы в этом городе.

Отказываться от своей любви я не собирался, поэтому спокойно развернулся и потопал на выход из кабинета. Уже взявшись за ручку двери, повернулся к нему и сказал:

— Я в отдел кадров, писать заявление на увольнение!

Свадьбу мы отыграли без папы. И закипели страсти. Поначалу я действительно не мог найти себе работу. Связи у моего тестя были будь здоров, президентские, можно сказать. Он каким-то образом узнавал, куда я обращался по поводу трудоустройства, и уже подписавший заявление о приёме меня на работу начальник сокрушённо разводил руками и извинялся: «Ошибочка вышла, вы уж нас простите!» Однако на нашем образе жизни это никак не сказалось, моя жена была богатым человеком, и её не слишком волновало, работаю я или нет. Работа нужна была мне для самоуспокоения, что я не сижу на шее у собственной жены.

Так продолжалось целый год, пока тесть не узнал, что скоро станет дедушкой. Сразу же всё изменилось, и я мгновенно нашёл работу. Наверное, будущий дедушка не мог себе позволить, чтобы папа его внуков был альфонсом. Видимо, с его точки зрения, это было совершенно недопустимо, ибо портило его репутацию. В наших же с ним

отношениях ничего не изменилось, я по-прежнему был для него персоной нерукопожатной.

Потом нас стало трое...

У меня родилась доченька! И жизнь понеслась стремительной, звонкой и светлой рекой. Я не один раз задавал себе вопрос: «За что это мне? За какие такие деяния мне выпало такое счастье?» — и не находил ответа.

Я очень любил своих девочек! Но только спустя года три понял, что это такое — быть папой. Они гуляли во дворе, когда я, вернувшись с работы, окликнул их. Моё чудо, взвизгнув, побежало ко мне, раскинув ручонки. Я подхватил дочь на руки и, чувствуя через тельце ребёнка, как молотится моё сердце, вдруг понял, что она для меня значит. Это стало откровением, моим личным откровением, от которого перехватило дыхание и защипало глаза.

Наверное, я не лучший отец. Иногда мне не хотелось играть и возиться с дочерью, когда я был чем-то занят. Иногда раздражал её плач, когда она ревела и ревела, а я не знал, как её успокоить. И мне вдруг стало стыдно за это!.. За то, что я с ней не догулял, за то, что не додержал её на руках!.. За всё!..

Река нашей жизни несла свои воды ещё два года, пока не врезалась в плотину могильной плиты и не бросила нашу маму на больничную койку.

Моя любовь умирала. И никто ничего не мог поделать! Её сердце отказывалось работать, и врачи отводили для неё совсем немного времени, если, конечно, не смогут подобрать для неё другое сердце. Тесть приложил всё своё влияние, потратил кучу денег, но есть вещи, которые деньгам не подвластны. Как на беду, найденные донорские сердца не подходили по каким-то там медицинским показателям.

Я перестал чувствовать жизнь вместе с ней. У меня перед глазами постоянно стояло её осунувшееся лицо и её грустная улыбка. Она была сильная. Она не плакала. Я же, оставаясь по ночам один, выл от бессилия, зажимая себе рот, чтобы не разбудить дочь. Без неё теряло смысл всё! Вообще всё!..

Решение пришло само собой! Совершенно простое решение. Не знаю, почему я раньше-то об этом не подумал! Оно лежало прямо передо мной, как на ладони. Это был мой шанс!

Для спасения жизни моей любимой мне нужен был её папа, без него то, что я намеревался сделать, могло бы быть напрасным.

— Сегодня нет приёма... — заикнулась было секретарша и метнулась мне наперерез, но я просто отставил её в сторону и вошёл в кабинет к своему тестю.

Он выглядел плохо. Лицо осунулось, под глазами набухли мешки, да и сами глаза были перечёркнуты красными венами. Ничего в нём больше не выдавало породу, теперь это был обычный человек, отец, страдающий оттого, что не может помочь своему ребёнку.

Тесть молча смотрел, как я шёл к его столу через кабинет, как устраивался перед его столом на стуле. Молчал даже тогда, когда я совершенно не по-светски положил локти на стол и устался на него. Он не хотел начинать разговор первым.

— Мне нужна ваша помощь в одном довольно щепетильном деле, — начал я и замолчал, ожидая от него вполне очевидного вопроса.

Не дождался.

— Есть ещё одно донорское сердце, но боюсь, что без ваших связей и влияния меня просто не станут слушать.

Это уже была надежда, и тесть, посмотрев мне в глаза, сказал:

— Тебя будут слушать! Все будут!.. Говори!..

— Я хочу, чтобы у меня взяли все необходимые анализы и провели необходимые исследования на предмет пригодности моего сердца в качестве донорского органа для моей жены.

Он смотрел на меня долго, очень долго, я даже подумал, что он просто не понял, что я ему сказал. Но он понял.

— Да. Всё будет сделано, — еле слышно проговорил он. — Ты... иди... тебе позвонят...

Уже стоя в дверях кабинета, я обернулся и увидел, что тесть положил руки на стол и опустил голову, уткнувшись в них лбом.

Стоит ли говорить о том, что на меня странно смотрели в клинике, в которой я проходил обследование? Я, конечно, понимаю, что деньги и влияние тестя сделали своё дело! Но я далёк от мысли, что врачи нарушили какие-то этические

нормы! Напротив, я благодарен им за это! Моя жизнь — это моя жизнь, и только я вправе распоряжаться ею!

На следующий день позвонила секретарша тестя и попросила приехать.

Тесть изменился! Он хоть и выглядел плохо, но в глазах появилась жизнь, он встретил меня стоя и, когда я вошёл, движением руки предложил мне сесть, сел сам и подрагивающими руками начал бесцельно перекидывать с места на место бумаги.

Я его не торопил. Мне уже было понятно, что как донор я подхожу своей жене. Но пускай он сам мне об этом скажет! Он не сказал, молча протянул мне листок бумаги с заключением, поднялся из-за стола и отошёл к окну, уставившись на раскинувшийся под ним город.

Я смотрел на бумагу и улыбался. Я теперь знал, что моя любимая будет жить и у моей доченьки будет мама!.. Мама для девочки важнее, чем отец, это же ясно!

— Мне нужен пистолет! — сказал я, закончив читать заключение.

Он кивнул и, вернувшись за стол, выдвинул один из ящиков, вытащил из него барабанный пистолет и положил его передо мной. Я взял его и, опустив в карман пиджака, спросил:

— Есть что-то ещё?

— Надо подписать бумаги, завещание... — сказал тесть и нажал на кнопку вызова секретарши.

Потом, не поднимая на меня глаз, добавил:

— Юрист и нотариус здесь, бумаги уже готовы!.. Если этого не сделать, ничего может не получиться... Ты должен завещать своё... — он не договорил и опять отошёл к окну.

Подписать надо было кучу бумаг. Я, не переставая улыбаться, подписал их все, не читая, мне это было неинтересно. Когда с бумажными делами было закончено и юристы ушли, тесть, опять сев на своё место, спросил:

— Чему ты улыбаешься? Ты же знаешь, что тебя... не станет... если ты, конечно, не передумал!..

— Не переживайте, всё уже решено, — опять улыбнулся я, — а радуюсь тому, что моя жена будет жить!

Ну вот и всё, больше мне здесь делать было нечего.

— Подожди! — остановил меня тесть, когда я уже подходил к двери кабинета. — Я относился к тебе незаслуженно плохо. Если бы я знал, на что ты способен, я бы... — он не договорил и, махнув рукой, отвернулся.

Когда он опять повернулся ко мне, я увидел, что он плачет. Из его глаз катились слёзы и, пробежав по ввалившимся щекам, падали на безупречный серый костюм, оставляя на нём тёмные пятна.

— Знаешь, я никогда никому не желал смерти, — срывающимся от слёз голосом прошептал вдруг он, — никогда и никому!.. А сейчас я хочу, чтобы ты умер!.. Ты понимаешь это?! Я желаю смерти не только отцу своей внучки!.. Но и человеку, которым восхищаюсь!.. Понимаешь?!..

— Да, мне это понятно, — усмехнулся я, — и поверьте, на вашем месте я бы, наверное, желал того же!

И тогда он заплакал навзрыд, не сдерживаясь, стоял передо мной и плакал, вытирая слёзы руками. Не надо смотреть, как плачет мужчина, это тяжкое зрелище, а он, как ни крути, всё-таки настоящий мужик. Поэтому я вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь. В приёмной кивнул закрывавшей рот ладошками секретарше и вышел в коридор, где ожидающий меня юрист сообщил, что к операции по пересадке сердца всё будет готово завтра, в одиннадцать часов.

Домой пошёл пешком, в машине сидеть не мог, мне надо было двигаться, что-то делать; даже при ходьбе я заметил, что размахиваю руками, чего со мной никогда не было. Ночью я не спал, ходил по дому, включал и выключал музыку, переставлял с места на место стулья и кресла, выходил на улицу и, постояв там, заходил обратно в дом. Я не знал, чем занять руки, мне казалось, что они жили какой-то своей жизнью, хватались за всё подряд, лишь бы что-то делать.

Я шёл по длинному коридору больницы и прислушивался к себе. Страшно мне не было. Это я знал наверняка. Да, волновался! Но, скорее всего, из-за предстоящей сложной операции, которую должна будет перенести моя жена.

Смерти я не боялся. И это было самым удивительным! Я знал, что умру и что меня не станет, но я также знал, что

благодаря моей смерти будет жить любимая женщина, мать моей доченьки. А это было главным в моей жизни!

Я не знал, больно умирать или нет: по вполне понятным причинам спросить об этом было не у кого. Если вдруг больно, то потерплю, умею терпеть боль. А может, и не больно. Где-то слышал, что человек иногда даже не успевает понять, что умер...

— Мы ждём! Бригада уже готова! Когда доставят сердце? — прямо с порога, едва я зашёл в ординаторскую, спросил у меня хирург, который, как я уже знал, должен будет в составе бригады оперировать мою жену.

— Сейчас доставят, — улыбнулся я, — а пока покажите, пожалуйста, где у вас можно прилечь. Не совсем, знаете ли, хорошо себя чувствую...

— Да, конечно, от волнения такое бывает. Пройдёмте со мной, это недалеко.

Я посмотрел на побледневшего юриста, судорожно прижимающего к груди папку, и вышел из ординаторской.

Кушетка в процедурной даже на вид была неудобной. Не спрашивая разрешения у доктора, я улёгся на неё и попросил:

— Если вы не возражаете, мне хотелось бы на пару минут остаться одному.

— Да не вопрос, — развёл врач руками и вышел, закрыв за собой дверь.

Всё равно я буду с моими девочками!.. Моё сердце будет жить...

Я вытащил из кармана пистолет, прижал его к виску и нажал на спусковой крючок...

Я редко слушаю грустные песни —
Они тоской заполняют вечер,
От них в безмолвии плачут свечи,
И слишком больно от них на сердце.
Я редко слушаю грустные песни...